

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо первое Олега Степанова (автора книги) читателям про С. Н. Булгакова и о том, почему решил сделать эту книгу	11
Экономика — наука о живом, а не о мертвом	18
Два контура экономики: нужда в потреблении и воля к созиданию	20
Труд и капитал	23
Экономика и культура	27
 Разговор первый: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ИЛИ ОРГАНИЗМ.....	31
С. Н. Булгаков	
Мир как хозяйство.....	33
Головнин Михаил Юрьевич	
Русская экономическая мысль.....	43
С. Н. Булгаков	
Субъект экономики или хозяйствование как «сложная система»	47

Головнин Михаил Юрьевич

Экономика и хрестоматистика..... 53

А. В. Чаянов

О теории некапиталистических
экономических систем 56

О парадоксах соотношения стоимости земли
и рентабельности на вложенный капитал 62

Параметры описания экономики
«трудового уклада» 65

О капитализации при «трудовом укладе» 67

О проблеме homo economicus
и «неевклидовой геометрии» трудового уклада 73

С. Н. Булгаков

Человек экономический — социальное животное?
Свобода и необходимость в экономике 76

Игорь Рыбаков

Экономика как галлюцинация и проявленность..... 79

С. Н. Булгаков

О статистическом усреднении в экономике
и социальном детерминизме 88

Головнин Михаил Юрьевич

Труд, общественное благо и общинность 108

С. Н. Булгаков

О труде и богатстве..... 115

Сергей Дзюба

Труд и капитал в теории экономики 128

А. В. Чаянов

Соотношение производства и потребления..... 133

А. Г. Дугин (философ, директор ВПШ им. И. Ильина)
и Олег Степанов (автор этой книги)

Труд и капитал, труд и литургическая практика.... 138

Богатство как Бог и благо..... 144

Иван Тихонович Посошков

О том, в чем истинное богатство состоит..... 148

О вреде спекуляции при помощи маркетинга 149

О необходимости суверенитета
в промышленности и торговле..... 150

О вреде зависимости собственной валюты
от иностранных валют 150

Разговор второй: ДВА КОНТУРА ЭКОНОМИКИ —
ПОТРЕБЛЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ..... 151

С. Н. Булгаков

Что есть хозяйство? 153

А. Г. Дугин и Олег Степанов

О потреблении и созидании, о хрематистике
и экономике.....155

О микро- и макроуровнях экономики, о живой
и мертвой экономике 159

Головнин Михаил Юрьевич

О проблемах в современной теории экономики 166

С. Н. Булгаков

Контур потребления..... 169

С. Н. Булгаков

Контур созидания177

Александр Секацкий с Олегом Степановым
автором книги

О неустойчивой экономике извлечения «полезности» и об устойчивой экономике как восстановлении целостности	187
О «телесности» в экономике и бесконтактной экономике «электронных пастбищ»	191

Сергей Дзюба

«Приводные ремни» экономики — созидание и потребление	197
--	-----

Леван Васадзе с Олегом Степановым

О смыслах хозяйствования, о духе и материи	203
Об основах здоровой экономики: о возврате к семье и к земле.	207

Разговор третий: ЭКОНОМИКА КАК КУЛЬТУРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРИРОДОЙ	213
--	-----

С. Н. Булгаков

Экономика — это творение культуры.	215
---	-----

Сергей Дзюба

Экономика и культура — личное богатство и общественное благо	220
---	-----

С. Н. Булгаков

Экономика — это переподчинение и оживление природы.	226
---	-----

Александр Секацкий с Олегом Степановым

О «схематизации» хозяйственной деятельности
человека и необходимости глубокого погружения
в материю 231

Сергей Андреевич Подолинский

Значение животных и человека в распределении
энергии. Понятие о труде..... 241

А. Г. Дугин и Олег Степанов

Экономика и природа 247

*Письмо первое Олега Степанова
(автора книги) читателям*

**про С. Н. Булгакова
и о том, почему решил
сделать эту книгу**

Вообще-то при произнесении слова «экономика» у меня зубы всегда ломило от скуки. Экономическая теория мне казалась царством примитивного common sense — здравого смысла на уровне «кухонных» разговоров. Изучение теории экономики на МВА только укрепило это чувство. Я тогда руководил сетью магазинов. И теория практике никак не помогала. Мало того, теория была глупа и примитивна по сравнению с практикой. Например, пересечение кривых спроса и предложения в точке равновесия, которое дает «справедливую» цену, насыщение рынка, производство добавленной стоимости и т.п. многократно опровергалось «веселой» практикой рейдерских захватов площадей под магазины, решающими конкурентными преимуществами для успеха на рынке в виде «скупки краденного/контрафакта», псевдобанкротств, схемотехникой получения денег «из воздуха» и минимизацией налогообложения почти до нуля.

Это в области микроэкономики, а в области макро — вечная «телега» про привлечение инвестиций из-за рубежа, возврат капиталов, создание инвестиционного климата, важности кредитования экономики, а вокруг — совершенно другая картина. Никакого кредитования реальной экономики, чисто политический недопуск наших товаров на внешние рынки, такой же внеэкономический (можно сказать силовой) захват нашего внутреннего рынка иностранным капиталом, суперприбыльные спекуляции на валютном рынке, которые поддерживает наш родной ЦБ, и предвзятые рейтинги мировых агентств, в соответствии с которыми здесь капиталу будет всегда невыгодно. Теория экономики тут никак не билась с практикой. Реальную теорию на практике можно было сформулировать так: «хватай и беги».

Ссылка на то, что «там», на Западе, все по-честному и по правилам теории экономики, работала только в теории. Как только доходило до дела, обнаруживались «приоритетные» поставщики, узаконенные картельные соглашения, и на нашем рынке иностранные компании вели себя не по теории экономики, если не считать основным положением теории максимизацию доходов и выкачивание ресурсов за рубеж любым способом.

В 2015 году мы практически случайно занялись «развитием территорий». Просто из гражданской солидарности, из желания драйва решили помочь заполярному поселку Териберка на Баренцевом море. Долго рассказывать об этом, но коротко для читателей: там в 90-е закрылись все предприятия советского времени — судоремонтные мастерские, рыбозавод и колхоз. В советское время там жило и работало около трех тысяч человек. А в 2015, когда мы заехали в Правительство Мурманской области, нам сказали, что принято решение о закрытии поселка,

почти всех уже выселили в город Кола, там почти никто не живет, там бандиты браконьерят краба, дороги туда нет, ночевать негде.

В целом, нам все тогда говорили, что в соответствии с законами рыночной экономики люди тут жить не могут, в этом поселке нет экономики, значит не будет и поселка. Потом нам всегда говорили примерно то же самое в других регионах, поскольку мы работали в малых городах и на сельских территориях — мегаполисы производят 80 % мирового ВВП, на сельских территориях экономика исчезающе мала, люди там не нужны, вот они и уезжают. Но наша практика в 100 % случаев из ста опровергала эти утверждения. Самый яркий случай — Териберка, теперь это «жемчужина» Арктики, там квартиры стоят дороже, чем в десяти километрах от Москвы (например, в Балашихе), а были никому не нужны даже за двести тысяч рублей в 2015 году, там земля нарахват и магазины модной одежды открываются.

Когда уже все случилось, то легко все объяснить: якобы появился спрос, а потом предложение или наоборот — появилось хорошее предложение, а потом и спрос подоспел. Но стоп, почему не было ни спроса, ни предложения, откуда вдруг появилось то или другое? И отсылка к «Левиафану», который «прославил» Териберку ложна. Мы приехали туда спустя год, и никаких ростков жизни там не было: никто не хотел жить или даже на денек побывать в самом ужасном месте на Земле. Остатки жителей хором говорили, что нет и не будет больше Териберки, мы ждем квартиры в Коле.

И вот тут мне стало интересно понять, что за «движок», каков «приводной ремень» экономики? Из нашей практики накопилось много вопросов к законам экономической теории: к ценообразованию, к причинам инвестиционной деятельности, к спросу и предложению на

рынке труда, к миграционным потокам, даже к максимизации полезности как причине экономической деятельности.

При детальном изучении на масштабе района, где видны реальные действия физических и юридических лиц, все законы теории экономики не работали на практике, жизнь им не подчинялась. Хотя апостериори (прошу простить, не знаю, чем заменить это умное слово) осознание людьми всех процессов, как ни странно, всегда подстраивалось под расхожую теорию, потому что другой теории нет. Это как с ньютоновой и квантовой физикой: школьнику кажется, что элементарные частицы — это шарики, которые взаимодействуют друг с другом по законам Ньютона, но ведь нет — элементарные частицы не только законам Ньютона не подчиняются, но и «свободой воли» обладают. Квантовой физике уже сто лет, а обыватели до сих пор осознают физические процессы как детерминированные, хотя в их основании лежит случайность. Такая же ситуация и с экономикой — только «квантовая» экономическая теория еще не появилась. Забегая вперед, скажу, что в том числе этой книгой хочу заложить ее основы.

В поисках движущей силы экономики я перебирал все расхожие мотивации, но тут же находил противоречия из нашей практики. Максимизация дохода — причина предложения, удовлетворение потребностей — причина спроса. Несомненно, есть в этом часть правды, но только часть. Почему человек открывает ресторан? Потому что хочет заработать? Да, отчасти. Но, конечно, мощным фактором является интерес к приготовлению еды и желание вкусно кормить людей. Если ему сказать, что бизнес по откачке выгребных ям гарантировано принесет ему больше дохода, он вряд ли будет инвестировать в создание парка ассенизаторов. Хотя в соответствии

с теорией экономики руководства по инвестированию пытаются убедить нас, что инвестор не должен испытывать никаких симпатий и склонностей, кроме как к отдаче на вложенный капитал, и смотреть только в Excel-таблички. Как писал академик-экономист В. М. Полтерович, теория экономики влияет на наше сознание, и отчасти верно, что какова теория, такова постепенно становится и экономика. Но и статистика, и практика показала нам, что подавляющее число инвесторов мотивировано сложным образом, и количество факторов, решающим образом влияющих на решение, так велико и разнообразно, что скорее описывается функциями подобными вероятностным пси-функциям в уравнении Шредингера.

В случае открытия бизнеса с точки зрения закона спроса и предложения место надо выбирать там, где есть предполагаемый или доказанный объем спроса. И в современной практике (под влиянием теории) часто так и происходит. Но столь же часто бизнесы банкротятся там, где есть спрос, а открываются там, где в радиусе ста километров спроса нет и быть не может. Например, «мишленовские» рестораны в деревнях. Это сейчас открытие ресторана в удаленной от городов деревне — признанная практика, но изначально эта практика была абсурдна с точки зрения теории экономики. Могу привести много примеров из собственного опыта, но вот типичный. Мужчина на склоне лет полюбил париться в бане. Его прежние бизнесы были не успешны, и он оказался в глухой уральской деревне, где завел баню. Теперь его банный бизнес пользуется спросом по всей России, в Индии, Австралии, США. И никакая теория это предсказать не могла. Не так ли наши предки освоили Сибирь и Дальний Восток? Не за белками и куницами они шли, белок и куниц до сих пор пруд пруди вокруг Москвы. Шли те, кому

нравилось «идти», а разнообразная хозяйственная деятельность возникала уже потом, по многим разнообразным причинам там, где ступила нога наших предков.

«Удовлетворение потребностей» и «максимизация пользы» тоже не выдерживают критики. Во-первых, «потребностью» и «пользой» можно назвать все, что угодно. Мало того, можно крутить и вертеть этими понятиями до полностью противоположных мотиваций — так можно объяснить все, но это нельзя назвать причинно-следственной связью в научном плане. Если вслед за молнией грянул гром, то это не значит, что свет — причина звука (хотя какая-то связь явлений есть). В каждом конкретном случае можно подобрать функцию полезности так, чтобы она математически описывала конкретную ситуацию, но это не означает, что найдена закономерность, потому что в другом случае параметры функции полезности придется подбирать заново. Точно и емко это выразил академик В. М. Полтерович: «Это означает, что в модели равновесия, претендующей на отражение реальности, функции полезности должны иметь специальный вид. Выяснить их специфику до сих пор не удается, а без этого ответы на многие фундаментальные вопросы теории не могут быть получены» (В. М. Полтерович «Кризис экономической теории»).

Спрос и предложение на рынке труда также вызывают вопросы. В нормальном случае человек становится столяром, токарем, программистом, математиком, предпринимателем по склонности к определенному роду деятельности, по причине интереса, влияния семейных традиций, социальных связей и многим другим причинам. В том числе по причине спроса на рынке труда, но только «в том числе», а не по этой причине. Под влиянием ложной теории экономики мы начали готовить детей и себя

к спросу на рынке труда. Но эта бредовая практика каждый раз опровергается жизнью. Как не нужны сейчас юристы, бухгалтеры и финансисты в диких количествах, которых предлагали готовить в 90-е и 2000-е, так никто и не предполагал, что сейчас нужно будет управлять дронами, вытачивать детали на станках и проектировать машины. Не эта ли ложная и убогая в духовном смысле практика является причиной дисбалансов на рынке труда, которые мы сегодня наблюдаем.

В макроэкономике когда-то считалось верным банальное по своему происхождению предположение, что рост заработной платы обратно пропорционален уровню безработицы. Ну конечно, всем на уровне здравого смысла кажется верным, что чем больше безработных в экономике, тем легче нанять работника за меньшие деньги и наоборот. В экономической теории эта псевдозакономерность была выражена как кривая У. Филлипса, следствием которой является наше представление, что рост производства приводит к созданию рабочих мест, росту доходов населения. Сейчас это утверждение опровергнуто на статистических данных многих стран, и даже сделаны попытки доказать обратное. Это кажется странным?

Но если вдуматься, то, во-первых, опережающий рост производительности труда, автоматизация и шаблонизация производства приводит к меньшему спросу на рабочую силу вообще и квалифицированную в частности. А во-вторых, концентрация капитала и производства у крупных и средних производителей снижает конкуренцию за рабочую силу, что приводит к уменьшению реальных доходов населения. В нашей практике развития территорий мы видим железную закономерность, что наличие крупного и среднего бизнеса приводит к уменьшению средневзвешенных доходов местного населения.

Просто работодателей получается немного, и они диктуют свои условия в отсутствии конкуренции. Значит не любой рост производства положительно влияет на рынок труда и рост доходов населения.

В целом у нас как практиков развития территорий накопилось много вопросов к шаблонам современной экономической теории. «Благодаря математизации экономической теории в ее рамках получен ряд общих результатов, фактически указывающих на неполноту или неадекватность аксиоматики основополагающих моделей, что влечет за собой отсутствие ответов на важнейшие вопросы» (В. М. Полтерович «Кризис экономической теории»). Прочитав это, я был рад, что не один так считаю, но где найти ответы?!

И я нашел эти ответы в русской экономической мысли. Пусть я не нашел готовых ответов на «важнейшие вопросы» современной теории экономики и практики экономического развития, но я увидел основы для развития современных концепций.

ЭКОНОМИКА — НАУКА О ЖИВОМ, А НЕ О МЕРТВОМ

Что такое экономика? Хороший вопрос. Если зайти с позиции языка, то «ойкос» — хозяйство, а «номос» — закон. Экономика — это законы ведения хозяйства. Аристотель, который и ввел в оборот термин «та ойкономика» — наука о ведении хозяйства, противопоставлял «экономике» «хрематистику», как науку о накоплении богатства («хремата» — деньги и богатство). До второй половины XX века ученые чаще употребляли термин «народное хозяйство» вместо термина «экономика». Народное — не в смысле общее или государственное, а в смысле — вся

хозяйственная деятельность народа (страны, региона). Современная же экономическая мысль выделила особую область хозяйствования, целью которой является накопление денежного богатства (пусть иногда не личного, а общественного), и стала называть это словом «экономика», а остальное — хозяйственная деятельность с внеэкономическими мотивами. Таким образом современная «экономика» стала аристотелевой «хрематистикой».

В поисках ответов на вопросы «к экономике» я прочел замечательную работу Сергея Николаевича Булгакова, профессора экономики, ставшего потом известным философом, богословом, священником — «Философия народного хозяйства» (1912 г.). Там он приводит мудрые слова другого русского философа В. С. Соловьева, которые ясно разделяют «экономику» и «хрематистику»: «Ложное и безнравственное обособление экономической области отношений как независимой будто от нравственных условий человеческой деятельности вообще. — Как свободная игра химических процессов может происходить в организме только умершем и разлагающемся, а в живом эти процессы связаны и определены целями биологическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и распадающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными. — Нет и не было в человечестве такого низменного состояния, когда материальная необходимость добывания жизненных средств не осложнялась бы нравственным вопросом».

В этой цитате на поверхности лежит утверждение, что экономика не может быть свободна от нравственных вопросов и целей, но гораздо интереснее с научной точки зрения разделение на «живые» и «мертвые» процессы.

Соловьев подчеркивает бесперспективность описания хозяйственной деятельности человечества, как процесса механистического, а не живого и биологического. В общем-то С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства» подробно разворачивает эту мысль, раскладывает на детали, показывает разницу. Надо отметить, что живые системы не равновесны, для их описания необходимо использовать другие параметры и понятия, чем для механических и равновесных. Наука второй половины XX и начала XXI века в разных областях активно пытается создать понятийный аппарат для описания именно неравновесных процессов. Несомненно, что это направление очень перспективно для экономической мысли.

ДВА КОНТУРА ЭКОНОМИКИ: НУЖДА В ПОТРЕБЛЕНИИ И ВОЛЯ К СОЗИДАНИЮ

С. Н. Булгаков затрагивает вопрос о движущей силе хозяйственной деятельности человека. И здесь вскрывается недостаточность представлений о «приводном ремне» экономики как «удовлетворении потребностей» или «максимизации полезности при ограниченном бюджете». С одной стороны, мы хозяйственной деятельностью боремся с нуждой, удовлетворяем свои нужды-потребности. Об этом Булгаков говорит так: *«Нужда, потребность, бедность и соответствующие им понятия хозяйственного блага, полезности (потребительной ценности), богатства суть поэтому естественные термины, в которых вращается хозяйство, его вопросы и ответы. Спрашивает нужда и потребность, отвечает человеческий труд и полезность благ»*. Но с другой стороны, гениальное прозрение Булгакова в том, что

главной целью хозяйствования является превращение всего разобщенного и механистичного, а значит дисгармоничного и мертвого в единый гармоничный живой организм. Это экономический контур созидания — борьба со смертью за жизнь. *«Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить, как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы»* (С. Н. Булгаков. «Философия хозяйства»).

Таким образом движущая сила экономики раскладывается на две составляющие или два контура: контур удовлетворения потребностей (или потребительский контур) и контур созидания. Хозяйственная деятельность вызвана не только нуждой в доходе, удовлетворяющем потребности, но и призыванием человека к созиданию, пересозданию мира, созданию долгосрочных ценностей, которые измеряются прежде всего гармонией и красотой, а в пределе к созданию «вечных» ценностей.

Что дает этот философский посыл в плане экономической теории? Фундаментальное отличие живого от механического в том, что в живых системах происходят антиэнтропийные процессы — повышение сложности порядка, а неживое подчиняется закону увеличения энтропии или рассеивания свободной энергии или понижения уровня сложности порядка. Многие русские ученые обращались к вопросу отличия живых и неживых систем. В. И. Вернадский писал, что живые системы отличаются

способностью производить работу над внешними ресурсами, увеличивая таким образом свободную энергию, которая затем частью рассеивается, а частью идет на образование связей и в конце концов создание сложного материального порядка. Долгосрочные и «вечные» ценности, которые представляют собой красоту и гармонию, о которых мы говорили выше, с математической точки зрения — это упорядочивание или повышение сложности порядка, а с физической — антиэнтропийный процесс. Человечество — это несомненно живая система, и ее хозяйственная деятельность должна быть антиэнтропийна и направлена на повышение сложности порядка в системе. Поэтому экономика, в отличие от хрематистики, должна описываться уравнениями для неравновесных систем с коэффициентами понижения энтропии за счет приложения труда человека. Это еще один перспективный фундаментальный вклад русской мысли в развитие экономической теории.

Простой пример из моей деятельности по развитию территорий. На основе данных банков о расходах жителей районов и оборотах юридических лиц мы измерили два параметра: средневзвешенный доход жителей территории и уровень сложности рынка труда. На всех территориях, где был один или несколько крупных работодателей, средневзвешенный доход жителей был ниже, чем на территориях, где было множество мелких работодателей. О чем это говорит? О том, что небольшое количество крупных работодателей устанавливают простой порядок на рынке труда, а большое количество мелких обеспечивает более сложный порядок организации рынка труда. В первом случае энтропия выше, а во втором ниже, и увеличивается «свободная энергия» в виде доходов жителей, которая накапливается в системе. Другой вопрос, на что

будет потрачена эта свободная энергия — на усложнение или поддержание высокого уровня порядка в системе (новые малые предприятия, общественные проекты, красота окружающей среды, потребление внутри территории) или рассеется вовне (потребление за пределами территории, вклады в крупные банки)? В первом случае энтропия в новом цикле экономики будет падать и еще больше свободной энергии накапливаться внутри системы, а во втором — энтропия возрастет, сложность порядка упадет, свободной энергии в виде доходов станет меньше и в конце концов мы услышим знакомое: «нам нужны внешние инвесторы, внешняя помощь и т. д. и т.п.».

ТРУД И КАПИТАЛ

Энтропия понижается, а свободная энергия добывается в живой системе за счет производства работы самой системой. В случае экосистем, включающих человека, работа системы — это труд. Не даром труду и его роли в экономике посвящено много страниц «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова. Одна из проблем современной экономической теории заключается в том, что труд и его стоимость никак не влияет на стоимость товаров и услуг. Ушли в прошлое рассуждения экономистов XIX века о том, что с помощью совершенного над материалом труда и средств производства вырабатывается добавленная стоимость, поэтому на стоимость существенное влияние оказывает себестоимость вложенного труда. В современной экономической теории стоимость формируется в контуре обмена (торговли), а не производства, и решающее влияние оказывают маркетинговые инструменты. Стоимость определяется «функцией полезности». Поэтому условная «кока-кола» вкладывает миллиарды долларов

в рекламу, чтобы убедить в полезности продукта, а сам продукт стоит копейки и его рецептура существенно не меняется десятилетиями, как и вложенный в него труд минимален и не требует квалификации (себестоимость работы маркетологов, как и ее квалификация, стремятся к нулю в сравнении с себестоимостью улучшения реального качества продукта).

Труд пытается войти в современную экономическую теорию через другую «дверь», и дверь эта — двустворчатая. Одна створка этой двери называется «человеческий капитал», другая — «социальный капитал». Фактически это попытка вернуть в экономическую теорию людей, хоть как-то приближенных к реальным. Для построения математических моделей экономики был сконструирован идеальный агент экономической системы — homo economicus, лишенный всех хозяйственных свойств человека, но руководствующийся только принципами «максимизации полезности» приобретаемых благ. Этот идеальный «экономический человек» полностью обусловлен «функциями полезности» и начисто лишен свободной воли в выборе действий — это экономическая машинка, удобная для использования в моделях, которые логически непротиворечивы, но не могут описать реальные данные никак и никогда (в этом проблема экономических моделей).

Джордж Коулмен, обосновывая введение понятий человеческого и социального капиталов в экономическую теорию, так охарактеризовал «идеального агента»: *«Существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое...рассматривает актора как социализированный элемент, а его поведение — как управляемое социальными нормами, правилами, обстоятельствами... Для представителей*

другого направления... характерен подход к актерам как к лицам... действующим независимо... на принципах, максимизирующих полезность... Принцип такого поведения... способствовал развитию неоклассической экономической теории...» Представим себе общество людей, поведение которых полностью детерминировано (обусловлено), как падающие на голову ньютоновы яблоки, законами либо социальными, либо стремлением выжать как можно больше пользы из своего ограниченного бюджета — это мертвое общество человеко-роботов, о котором выше приведена цитата В. С. Соловьева.

Хотя теория влияет на наше сознание, и наше общество становится все больше похожим на описанное выше, но все еще в значительной степени человек движим в своей деятельности индивидуальными склонностями, интересами, привязанностями, способностями, волей к созиданию, поэтому экономические модели не могут описать реальную экономику. Чтобы как-то вернуть «человека-потребителя» или «человека-общественное животное» в реальную хозяйственную деятельность были придуманы человеческий и социальный капиталы. Человеческий капитал — это набор навыков и умений человека, который востребован обществом, а социальный капитал — это связи между людьми, горизонтальные (бондинговый капитал) и вертикальные (бриджинговый). Идея неплохая: деятельность человека измерить, его труд вернуть в экономику. А поскольку человек трудится не один, а создает общины, коллективы, социальные институты, которые влияют на результаты деятельности, то учесть и это влияние на результаты труда.

Однако, измерение этих новых капиталов при сохранении общей концепции экономических механистических моделей уводит опять туда же. Человеческий капитал

измеряется количеством лет обучения. Это смешно. Обучения чему? Год за токарным станком больше даст для развития пространственного воображения, логики, ума, точности движений, чем сто лет обучения делать презенташки или «программировать» в WordPress, или учиться на кафедре «общего менеджмента» в новоиспеченном платном ВУЗе. Такая же история и с измерением социального капитала. Он измеряется в основном по социологическим интервью: измеряется не влияние на результаты деятельности, а идеологическая подготовка мозгов. Поэтому в Швеции — стране с одним из самых высоких рейтингов социального капитала, а значит, казалось бы, доверия людей к друг другу и социальным институтам — один из самых высоких процентов самоубийств. Замечательный парадокс экономической теории: прекрасный мир, в котором люди жить не хотят в буквальном смысле слова. Это показывает, что «прекрасный мир» толерантности в мозгах, в реальности порождает уродливый мир-механизм, из которого живой человек хочет уйти.

Возвращаясь к труду С. Н. Булгакова, нужно сказать, что он труд человека определяет совершенно иначе: для него труд — это вытеснение смерти из природы, гармонизация, создание новых сложных порядков, борьба с энтропией природы, а не средство получить больший доход, больше благ, больше комфорта, выстроить карьеру. *«Прежде всего, политическая экономия — принципиально в лице Ад. Смита, фактически же в лице большинства своих представителей — сузила понятие труда до производительного» труда, выражающегося в материальных благах. Следовательно, все внимание было сосредоточено только на одной, объективной стороне труда, на его периферии, и было оставлено без внимания и вне рассмотрения его значение в качестве моста*

между субъектом и объектом, по которому субъект вообще выходит в объект и осуществляет в нем свои идеи, проекты или модели... А на самом деле, хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор» («Философия хозяйства» С. Н. Булгаков). Мысль, которая здесь важна и для теории экономики, и для практики хозяйствования: труд измеряется по следам, которые человек (субъект) оставляет в окружающем мире (объекте), измеряется теми преобразованиями, которые человек осуществляет в окружающем мире. Математически это можно выразить как «мощность» — производная энергии по времени, а еще лучше — как тензор, разложенный в координатах: финансы, общество, природа, пространство. Фактически труд можно измерить как следы разнонаправленной воли человека, структурирующей пространство-время.

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

Мы привыкли разделять сферы экономики и культуры. В лучшем случае мы говорим об экономической эффективности культурных событий — их потребительской востребованности (например, окупаемости концерта). Однако мы все понимаем, что культурная сфера — это «духовное», а экономика — это «материальное», и подчеркиваем, что это разные сферы, и надо то и другое иметь. Культура для нас все в большей степени становится объектом потребления в определенных «священных» пространствах: музеях, театрах, концертных залах. Выйдя из этих «священных» пространств, мы оказываемся в профанном мире, где нет места «высокому». Культура стала как бы высшей ступенью потребительской лестницы «пирамиды Маслоу», удовлетворив низшие потребности, мы

можем обратиться к высшим — культурным и духовным. Культуре отведено определенное место в нашей жизни, почетное место где-то там — наверху.

В последние полвека западная экономическая мысль пытается теснее связать культуру и экономику. В рамках институционального подхода подчеркивается влияние культурных институций (норм, правил, традиций, мировоззрений) на экономическую деятельность людей. В рамках этого подхода культура становится «служанкой» экономики, которая все равно понимается как приобретение личных материальных благ, и даже никому лично не принадлежащие общественные блага имеют значение только как виртуальные «кусочки», доставшиеся каждому лично при совместном пользовании. Именно поэтому делается вывод, что протестантская индивидуалистическая культура приводит к лучшей экономике, к большему экономическому благосостоянию. И это ложно.

Как понимать БЛАГОсостояние? В основополагающей работе известного американского экономиста и социолога Роберта Патнэма «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии» заявлено: *«По меньшей мере десять столетий Север и Юг Италии исповедовали совершенно различные подходы к дилеммам коллективного действия... горизонтальные гражданские узы позволили Северу достичь более высоких в сравнении с Югом показателей экономической и институциональной деятельности...»* В работе сравнивается промышленный Север и сельский Юг Италии. Уровень материальных доходов в индустриальную и постиндустриальную эпоху очевидно выше там, где больше финансового и промышленного капитала. Измеряется уровень социального капитала по многочисленным опросам, глубинным интервью и количеству общественных

организаций. Он опять же получается выше на секулярном и промышленном Севере, чем на католическом и традиционном Юге. При помощи социального капитала экономика связывается с общественным поведением, нормами и так далее, то есть с культурой, понимаемой как социальная среда для хозяйствования (экономики), среда для достижения материального благосостояния. Культура здесь стоит в подчиненном положении к некоторой необсуждаемой цели общества, объявленной благой — материальному экономическому достатку.

Иначе определяет С. Н. Булгаков культуру в «Философии хозяйства»: *«Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; овладевая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, — он творит культуру... Рядом с миром «естественным» создается мир искусственный, творение человека, и этот мир новых сил и новых ценностей увеличивается от поколения к поколению»*. Культура и хозяйство у Булгакова — это разные стороны «медали», два ракурса рассмотрения одного и того же предмета, проекции разных сторон целостной жизни человеческого общества. А главное, и культура, и хозяйство — это проекции упорядочивания человеком мира, приведения мира к более высоким порядкам гармонии. Ни культура, ни экономика не стоят в подчиненном друг другу положении — они одно и то же. Для экономической теории это означает, что цели экономики не могут быть отличны от целей культуры, они могут быть только разложены по разным осям пространства: по оси удовлетворения нужды (материальных благ) и по осям гармонизации природы, общества, пространства.